

СИМУЛЯКР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саша Вашко

18+

Саша Вашко

Симулякр

«Автор»

2026

Вашко С.

Симулякр / С. Вашко — «Автор», 2026

Девушка Соня сбегает от семейных проблем в деревню, так как это единственное место, которое ассоциируется у неё с чем-то приятным: с беззаботно проведенным детством и любовью бабушки Юли. Вот только деревни давно не существует: кто-то умер, кто-то переехал, и поселение опустело. Стремясь воссоздать душевный покой и знакомый антураж, как в детстве, девушка раскапывает жителей из могил, и они действительно "воскресают". Но есть нюанс: не все жители благодарны Соне за такой "подарок"... Роман пропитан ностальгией по умирающей русской деревне и философскими вопросами о смерти и жизни. В конце побеждает любовь - но какая именно любовь - к чему и чья? Как минимум, моя любовь к этому роману. Ну, или любовь матери к своему ребенку.

© Вашко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Саша Вашко

Симулякр

Глава

СИМУЛЯКР.

Роман.

Макаровой Юлии Васильевне, бесконечно любимой и умершей на моих руках посвящается.

Эпизод Первый.

Калька.

Хорошо летом в деревне! Предраассветный туман облизывает крыши лачужек, росинки изящно скатываются с осоки и других сорняков. Соня только что закончила работу на земле и очень устала. Она стягивает перчатки и целует мозоли на онемевших пальцах. Радует одно - всё было не зря, и работа выполнена.

Копать было тяжело. Земля - рыхлая и податливая, но копать надо было долго - а это слишком утомительно для такой хрупкой девушки. Соня стирает пот-жемчужинки со лба и прикладывает к горлышку бутылки - теперь можно и отдохнуть. Кагор стекает по подбородку кровавой струйкой и падает на землю. Затем она передаёт бутылку бабушке - та тоже устала и очень давно ничего не ела и не пила.

В полной тишине они добираются до своей хибарки. Некошенная трава мягко щекошет ноги и так и манит заснуть в себе. Но Соня знает: нельзя. Сотни паразитов только и ждут твоей беззаботности, чтобы укусить или просто поползть по твоему незащитному тельцу. Подумать только, как терпела это бабушка почти два месяца?!

Дом пахнет таблетками и стариной. Ветхая мебель дышит старческой теплотой, и каким-то своим, деревенским, по-особенному приятным, но слегка затхлым запахом. Едва восстав, бабушка тут же принялась за работу: подмела пол своими сгнившими, ещё не до конца восстановившимися после долгого лежания руками; принесла воды для рукомойника и готовки, застелила кровати чистым бельём для особого случая. Соня зевала, чесала левой ногой правую и кашеварила на кухне. Сельская идиллия!

Сквозь пелену давно не мытого окна открывался поистине умиротворяющий вид. Старые шторки, ставшие из белых жёлтыми, тускло сверкали в бледных лучах солнца. За окном прошла дородная баба с двумя вёдрами воды: она нелепо переваливалась с ноги на ногу, и при каждом вилянии бёдер часть воды выливалась на землю. Баба этого не замечала и зачарованно шла к своей цели.

Соня с удовольствием вдохнула аромат детства – деревня! После долгих лет, проведённых в большом городе, вернуться сюда - было настоящей русской сказкой. Печка, на которой ездил Иванушка-дурачок, громко щёлкала угольками из топки. Огромный лес, окружающий плотным кольцом деревню, наверняка был полон нежити и мрачных пейзажей. Именно с этим местом связаны лучшие дни жизни Сони. И добраться сюда, восстановить это состояние души для девушки было целью, на пути к которой не были страшны никакие преграды. Соня была готова на всё. Даже выкопать всю деревню из могил, если потребуется.

У бабушки был громкий, яркий голос. Большие синие глаза и ещё более большой нос, про который она часто шутила: мол, я как баба Яга. Ну и пусть. Быть внучкой бабы Яги лучше, чем быть незнакомым ребёнком, не так ли?

Но сейчас бабушка молчала. Видимо, отвыкла, бедная. Соня ласково погладила её по щеке и поцеловала в лоб. "Всё будет хорошо. Ты отвыкла. Попробуй дышать. Набираешь воз-

дух в нос, и выдыхаешь ртом. Попробуй. Вот так". Бабушка сделала пару неуверенных вдохов и выдохов. "Умница. А теперь смени свою одежду, людей напугаешь", - проворковала девушка и протянула старушке её любимый синий халат в розовых цветках и ярко-красный платок. Вот так. Всё хорошо. Теперь всё будет, как раньше.

Село называлось Александровское и находилось глубоко в недрах леса. Рядом проходила дорога, которую с очень большим трудом можно было бы назвать шоссе: но всё-таки оно соединяло огромное количество населённых пунктов и даже вело в Казань, что при первом взгляде казалось выдумкой. Из крупных поселений вблизи находился разве что Мари - Турек, но даже его существование было словно иллюзией в этом месте.

Улиц всего три, и те не блещут фантазией названий: Новая, Центральная и Заречная. Объяснять вряд ли что-то нужно. Но в этой простоте для Сони и скрывался смысл. Всё гениальное - просто. Верно?

С самого раннего детства и лет до семнадцати каждое её лето проходило здесь. Никто не называл село «селом» - ни городские, ни местные, только деревней...

Две качели на всю округу, огород, археологические раскопки в сарайке в кипе старой одежды и журналов, поход в лес за ягодами и купание в болоте... Сюда можно было сбежать от абсурда города, забыть, кто ты есть на самом деле, потеряться в лесу, стать деревом и пустить корни в мягкой почве...

Дверь в сени звучно хлопнула. Металлический звук пружины надолго завис в воздухе. Кто-то пришёл.

- Юлькаа, Юль, ты дома? - послышался тонкий старческий голос.

Вошедшей оказалась Лида - местная сумасшедшая бабулька. От неё всегда веяло терпким запахом мочи и давно не мытого тела. Тем не менее, "Юлька" питала нежную ненависть к подобным персонажам, и по-своему, но заботилась о них.

- Чиво приперлась опять шальная? Димка твой где? Где Димка? Черт проклятый бросить вот так мать тьфу ты бляха муха. Иди суда. Ну чиво стоишь старая? Иди суда говорю. Жри давай суп. На.

Заговорила. Ну наконец-то. Соня с умилением слушала любимые интонации в голосе, что с каждой фразой секвенцией повышались на один тон.

- Сбили же тебя дуру старую лет пять назад на дороге этой ёбаной. А нечево было шататься до Турека и обратно туда - суда. Похеру Димке твоему на тебя так сидела бы на жопе ровно чевой неймется то блять. Сбили да и похоронить то некому было. Всем селом ходили побирались с каждого двора. Да неубиваемая ты баба Лидка. Умерла так и ничево живая. Жри быстрее суп остынет. Ну и воняет же от тебя бляха муха.

Лида блаженно улыбалась своим беззубым ртом. Суп вытекал из огромной дыры в её желудке, и вместе с червями и остатками крови падал на дощатый пол. Дыра появилась, вероятно, после той самой аварии, и из-за неё внутренности Лиды очень несимпатично тащились по полу. Бабушка заметила это только сейчас, и начала крыть юродивую самым первосортным русским матом. Всё-таки, пол был помыл буквально только что, - жалко.

В приподнятом настроении Соня вышла на крыльцо. Аккуратно перешагнула одну сгнившую доску. Если бабушка начала ругаться, то это надолго - пусть развлекается. Всё равно она это любя.

Неожиданно Соня почувствовала мягкий толчок в колено. Это оказалась бабушкина первая кошка - Васька. Её привезли сюда около пятнадцати лет назад, но Васька долго не прожила, как и большинство её детей - у всех были какие-то серьезные наследственные заболевания. Хотя сейчас это было не важно. Васька забралась на колени, замурлыкала и уткнулась мордочкой в человеческое тепло. Соне стало спокойно.

Сами собой на ум приходили воспоминания. Вот девять часов утра, а мать уже пришла из леса с трехлитровым ведром земляники. Просит проверить себя на клещей. Скинула старую одежду на пол, и стоит голая в сених, пока ее осматриваешь.

Пару часов назад добрый Петька – пастух, которого никто и никогда не видел трезвым, угнал пастись стадо из семи коров – жалкие остатки бывшего величия. Коровы шли медленно и величественно, а мать, только собиравшаяся в лес, зачарованным ребенком с раскрытым ртом смотрела на их грациозную поступь. Она всегда мечтала о собственной корове, но их семья была слишком бедной, чтобы это себе позволить. Ее детство прошло в совхозе на ферме, где работала бабушка, в деревне под названием Красная Поляна. Детей в деревне не было, но были коровы – единственные друзья – товарищи.

Проснулась Соня, конечно же, от криков подруг, которые звали ее гулять. Бабушка мило ворчала на этих «чертят», но все-таки отпустила внучку. Сегодня друзья пойдут достраивать чтабик на большом дереве – работы много! Нужно тайком сбегать на заброшенный колхозный склад на конце села и притащить те крутые доски и кухонный сервиз в виде старого чайника и металлических кружек. Они будут играть в школу – Соня будет преподавать литературу и японский в виде опенингов из аниме и пары простейших иероглифов. В «сервиз» будут наливать лимонад – двадцать рублей за двухлитровую бутылку и закусывать мороженым в стаканчиках. А когда проголодаются не на шутку – сварят суп из песка и травы в игрушечной посуде, доставшейся Соне еще из детства ее мамы.

Потом из колхоза пойдут советские работники и работницы. Закроется контора, рабочие мастерские, столовая и детсад. И в уставшей тишине будет приглушенно доноситься лишь музыка из клуба, который находится ни где иначе, как в здании старой церкви. Дети будут делать свистульки из караганы и увязываться за старшими потанцевать. Приедут и друзья из близлежащих деревень – Возармаша, Красной Поляны, Шоганура, Водонера... Так, стоп... что? Чьи это воспоминания? Не Сони точно. Всего этого уже не было даже в раннем детстве Сони – это события, давно ставшие историей. Когда Соня родилась, Александровское уже было затухающим поселением с мертвой пустотой и забытой жизнью. Так почему же...

Впрочем, не важно. На землю тихо спускался пьянящий вечер. В траве истерично стрекотали сверчки, где-то вдалеке захлебывалась в лае собака, комары атаковали с остервенением Катона, призывающего разрушить Карфаген.

Соня спала в комнате рядом с печкой. Дверь в комнату было закрывать нельзя – «иначе угореешь». Ей снился далекий момент из детства, о котором она совсем забыла: Соне было года четыре, и она играла с расческами у старого трельяжа. У расчесок были похороны. Девочка доставала волосы из тонких зубьев, отрывала куски ваты из аптечки и аккуратно подкидывала эту смесь вверх над одной из расчесок. «Пусть земля тебе будет пухом. Пусть земля тебе будет пухом. Пусть земля...»

Мать, сидевшая рядом, почему-то очень удивленно посмотрела на ребенка и попросила так больше не говорить.

- Почему?
- Потому что так говорят о мертвых.
- А быть мертвым – плохо?
- Н-нет.. То есть, да. По крайней мере – это навсегда...

Соня ничего не поняла, но все-таки прекратила игру. Больше они к этому разговору не возвращались.

В Александровском практически никогда не бывало дождей. А если и бывали, то такие, словно грядет второй Великий Потоп. Мать называла деревню проклятой, но Соня не пони-

мала, говорит она это в шутку, или абсолютно серьезно. Поэтому предпочитала не думать об этом.

Солнце пекло нещадно. Девушка сидела на полуразвалившемся деревянном мосте, свесив ноги в речную тину. Рядом лежал Рыжич – самая добродушная собака из всех на свете. Даже при своем паническом страхе собак, девушка всем сердцем любила это существо за его незлобивость и дружелюбность ко всякому, кто его кормил. Хозяйева Рыжича – бабушка – колясочница и дедушка с вечно хмурым лицом умерли несколько лет назад, и собака оказалась на улице. Благо, местные жители подкармливали его даже после смерти, и он преданно сопровождал своих спасителей, куда бы те ни пошли.

Рыжич нежно вылизывал шершавым языком колено Сони, поминутно теряя свои слабые зубы, которые тут же падали в реку. Зубы подбирала Натка – местная девочка – утопленница. Доставала их со дна, складывала в кучку рядом с Соней и задорно смеялась, требуя похвалы. Соня ласково называла ее Ундиночкой, и, отрезая по маленькому кусочку плоти от своего тела, кидала прямо в рот Натке за каждый выловленный со дна зуб.

После бабушки работать на земле больше было не надо – Соня оставила самое приятное напоследок. Она до конца так и не поверила в свой успех, и поэтому со сдавливающим сердце сомнением осматривала очертания развалившихся домов вдалеке. Там по привычке существовали люди – все те, кого девушка смогла запомнить и найти. И вернуть сюда – домой.

Соня осознала, что больше не сможет уехать отсюда. Отныне ее душа, плоть и кровь принадлежат этому месту. Отныне и вовеки веков. Она сделала для этого места все, что могла, и будет не в состоянии бросить Александровское ни за что и никогда. Но все же, в этой идиллии чего-то не хватает. Какой-то важной, самой главной детали...

Точно. Ну как об этом можно было забыть?

Пора бы уже выкопать свой труп с сельского кладбища.

И пусть земля нам всем будет пухом и пусть земля нам всем будет пухом и пусть земля

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.